

Сергей Геннадьевич Лысенков

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
ORCID: 0000-0002-2791-8247, sergey.lysenkov@mail.ru

Алексей Александрович Дерюгин

кандидат юридических наук
ORCID: 0000-0001-7129-2301, deruga79@mail.ru

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Режим военного положения как правовое явление Великой Отечественной войны

Аннотация: В статье предпринята попытка дать объективную оценку государственной политики военного времени, направленной на регулирование общественных отношений в период Великой Отечественной войны, квалифицировать деятельность военных властей, войск и органов НКВД СССР как субъектов правоотношений, складывавшихся в сфере функционирования данного правового режима. Актуальность исследования названных проблем обусловливается насущной необходимостью усиления противоборства с предпринимаемыми попытками перелицевать историю и нивелировать значение победы СССР над фашистской Германией. В статье с позиции принципа историзма раскрыта юридическая конструкция режима военного положения как целостного правового явления военного времени. Также показаны конкретно-исторические причины установления чрезвычайного правового режима прифронтовой полосы, его содержание как разновидности режима военного положения, специфика деятельности войск и органов НКВД СССР по обеспечению правового режима прифронтовой полосы. На основании архивных и других исторических источников в статье обоснован вывод о том, что объём полномочий военных властей, войск и органов правопорядка напрямую зависел от степени строгости правового режима, что, в свою очередь, определяло степень ограничения прав и свобод населения, проживавшего в районах действия чрезвычайных правовых норм. В заключении сформулированы рекомендации по применению чрезвычайных правовых механизмов, направленных на обеспечение государственной и общественной безопасности, с учётом интересов государства и общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, чрезвычайное законодательство, правовой режим, военное положение, правовое регулирование, военная безопасность

Для цитирования: Лысенков С. Г., Дерюгин А. А. Режим военного положения как правовое явление Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 17–24; doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-17-24.

Sergei G. Lysenkov

Dr. Sci. (Jurid.), Cand. Sci. (Hist.), Professor
ORCID: 0000-0002-2791-8247, sergey.lysenkov@mail.ru

Aleksey A. Deryugin

Cand. Sci. (Jurid.)
ORCID: 0000-0001-7129-2301, deruga79@mail.ru

*St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the Russian National Guard Troops
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Martial Law as a Legal Phenomenon of the Great Patriotic War

Abstract: The article attempts to give an objective assessment of the state wartime policy aimed at regulating public relations during the Great Patriotic War, to qualify the activities of the military authorities,

the USSR NKVD troops and bodies as subjects of legal relations developed in the sphere of functioning of the legal regime of that time. The relevance of the research of the mentioned problems is conditioned by the urgent need to strengthen the confrontation with the ongoing attempts to rewrite the history and neutralize the significance of the USSR's victory over Nazi Germany. From the standpoint of the principle of historicism, the article reveals the legal structure of the martial law regime as a wartime integral legal phenomenon. The specific historical reasons for the establishment of an emergency legal regime in the frontline zone, its content as a kind of martial law regime, the specificity of the troops and bodies activities of the USSR NKVD to ensure the legal regime of the frontline zone are also shown. Based on archival and other historical sources, the article substantiates the conclusion that the scope of powers of the military authorities, troops and law enforcement agencies directly depended on the severity degree of the legal regime, which, in its turn, determined the restriction degree of the rights and freedoms of the population living in the areas of the emergency legal provisions action. Recommendations for the application of emergency legal mechanisms aimed at ensuring state and public security, taking into account the interests of the state and society, are formulated in the conclusion.

Keywords: The Great Patriotic War, emergency legislation, legal regime, martial law, legal regulation, military security

For citation: Lysenkov S. G., Deryugin A. A. Martial law as a legal phenomenon of the Great Patriotic War // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 3 (91). – P. 17–24; doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-17-24.

Военно-политическая ситуация вокруг границ нашей страны и внутри неё в последние годы характеризуется нестабильностью и нарастанием напряжённости под влиянием различных динамично меняющихся факторов.

Следует признать, что в ближайшей и среднесрочной перспективе не исключены попытки со стороны деструктивных сил обострить общественно-политическую обстановку на территории Российской Федерации¹ в целях обеспечения своих геополитических интересов. Отдельные деструктивные проявления могут детерминировать военные опасности и угрозы безопасности Российской Федерации. Оборона страны – это один из важнейших стратегических национальных приоритетов, и поэтому законодатель вынужден оперативно реагировать на возникающие угрозы, предусматривая возможность применения чрезвычайных правовых режимов для регулирования общественных отношений.

История отечественного чрезвычайного законодательства свидетельствует о том, что время от времени, под влиянием субъективных и объективных негативных факторов общество и государство оказывалось в условиях экстремальной опасности. Такие обстоятельства предопределяли использование правовых механизмов, создаваемых для решения насущных проблем государства и стабилизации общественной жизни, за счёт нейтрализации и (или) существенного ограничения негативных проявлений, в том числе и таких, как начало или угроза возникновения военного конфликта.

Российское чрезвычайное законодательство начало формироваться в виде правовых предписаний правоограничительной и карательной направленности в конце XIX в. ввиду нарастания угроз государственному порядку и общественной безопасности. 14 августа 1881

года издаётся «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»², которое предусматривало в исключительных случаях введение режимов усиленной и чрезвычайной охраны в отдельных местностях Российской империи.

Следующими внутренними и внешними факторами, повлиявшими на развитие чрезвычайного законодательства в отечественном праве, стала гражданская война и иностранная военная интервенция 1917–1922 гг. В этот период формировавшаяся Советская власть функционировала в чрезвычайных условиях военного времени и была вынуждена применять правовые предписания, которые предусматривали введение в некоторых областях РСФСР исключительного или военного положения³. В 1930-х годах были приняты акты общесоюзного масштаба, направленные на решение вопросов военного строительства и безопасности государства.

Система правовых норм, регулировавших общественные отношения в чрезвычайных условиях военного времени, сложилась не сразу. Она изменялась, дополнялась и уточнялась по мере накопления правоприменительного опыта урегулирования социальных конфликтов и ликвидации их последствий. Однако, по мнению Д. А. Никонова, советскими органами власти не было предпринято реальных и действенных мер по совершенствованию чрезвычайного законодательства накануне Великой Отечественной войны [5], что в дальнейшем имело негативные последствия.

С началом войны в 1941 г. часть территории Советского Союза становится театром

² Свод законов Российской Империи, дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909, 1910 гг. и позднейшими узаконениями 1911 и 1912 гг. – 2-е изд. – Кн. 4. – Т. 14. – Санкт-Петербург, 1913. – С. 159–166.

³ Артамонов Д. Н. Институт военного положения по советскому праву / Военное право: антология диссертаций / Корякин В. М. – Москва: За права военнослужащих, 2011. – С. 97–100.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (Часть II). – Ст. 5351.

военных действий, чрезвычайная обстановка складывается на всей территории страны. Это обстоятельство выдвинуло на первый план установление правового режима военного положения в интересах самого существования государства, построение определённого механизма государственного управления, направленного на консолидацию фронта и тыла для достижения победы над агрессором.

Данный механизм функционировал благодаря сочетанию управленческих, организационных, ограничительных и репрессивных мер, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»⁴ и прочими нормативно-правовыми предписаниями⁵, которые применялись как для организации обороны страны, так и для обеспечения государственной и общественной безопасности.

Установленный правовой режим был направлен на обеспечение особого порядка регулирования общественных отношений. Для этого предполагалось использование набора чрезвычайных правовых средств, которые путём оптимального сочетания стимулирующих и ограничивающих элементов, создававших определённую степень благоприятного или неблагоприятного условия в реализации своих прав субъектами общественных отношений, предусматривали изменение принципов деятельности и основных организационно-правовых форм органов государственного управления [1; 4].

Сформированный правовой механизм регулировал все сферы общественных отношений в местностях, жизнь в которых переходила на военные рельсы, основываясь на временной передаче распорядительных и властных полномочий военной администрации и выражаясь во вводимых обязываниях, запретах и ограничениях. Данные обстоятельства наглядно характеризовали его принудительную природу.

В целях координации имеющихся сил и средств в условиях вражеской военной агрессии, был создан чрезвычайный орган надведомственного характера, наделённый специальной компетенцией – Государственный Комитет Обороны (ГКО)⁶. С первых дней войны до её окончания ГКО объединил функции партийного, советского, и военного руководства⁷, став временно высшим органом государственной власти

⁴ Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик (Далее – Ведомости ВС СССР). – 1941. – № 19.

⁵ О переводе лагерей, тюрем и колоний на военное положение и проведении других мероприятий в связи с началом войны: Директива НКВД СССР и Прокурора СССР № 221 от 22 июня 1941 г. // Сборник законодательных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – 1993. – С. 158.

⁶ О создании Государственного Комитета Обороны: Постановление ПВС СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июня 1941 г. // Правда. – 1941. – 1 июля.

⁷ Для оперативного решения вопросов фронта и тыла на местах, имевших важное стратегическое значение, учреждались уполномоченные ГКО и местные прифронтовые чрезвычайные органы – городские комитеты обороны. *Прим. авторов.*

СССР, наделённым особыми полномочиями по применению чрезвычайных организационно-правовых мер воздействия на общественные отношения.

Существует мнение, что «решение о создании ГКО было продиктовано стремлением И. В. Сталина и его окружения сосредоточить всю полноту власти в стране не в Политбюро, легитимность которого могла вызывать сомнения, а в государственном органе с чрезвычайными полномочиями» [8, с. 262]. Авторы придерживаются позиции, согласно которой определяющим фактором создания данного органа стал опыт государственного и военного строительства в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции [9, с. 216], когда был создан чрезвычайный орган государственного управления – Совет Рабочей и Крестьянской Обороны⁸, который возглавил В. И. Ленин (с апреля 1920 г. – Совет Труда и Обороны).

Для регламентации общественных отношений на всей территории Союза ССР устанавливается жёсткий чрезвычайный правовой режим, направленный на преодоление внешней угрозы, достижение победы над агрессором.

В кратчайшие сроки завершились преобразования в системе органов государственного управления, которые выражались в сосредоточении всей полноты власти в районах, находившихся на военном положении в руках военной администрации (военных советах), решения которой носили обязательный характер для всех органов государственного, местного и партийного управления и граждан [6, с. 111].

Военным властям предоставлялись обширные полномочия, на основании которых они могли: направлять гражданское население для выполнения работ оборонного характера; создавать милицейские формирования для охраны общественного порядка, различных объектов, борьбы с пожарами, эпидемиями и пр.; устанавливать военно-квартирную обязанность; вводить трудовую и автогужевую повинность; при необходимости изымать имущество граждан и организаций для военных нужд; регламентировать порядок и время работы государственных учреждений и предприятий; устанавливать для граждан ограничения по времени появления на улице; санкционировать обыски, задержания или выселение социально опасных и подозрительных лиц; регулировать оборот продовольственных и промышленных товаров для обеспечения гражданского населения; устанавливать и контролировать порядок въезда и выезда в определённых районах местностей, имеющих важное значение, и пр.

Необходимость передачи особых полномочий военным властям напрямую была связана с обстоятельствами военного характера, которые создавали реальную и неизбежную угрозу жиз-

⁸ Об образовании Совета Рабочей и Крестьянской Обороны: Постановление ВЦИК от 30 ноября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). – 1918. – № 91–92. – Ст. 924.

ненно важным интересам государства и общества и требовали незамедлительного экстренного реагирования, в том числе существенно ограничивая права граждан.

Были приняты подзаконные акты правоохранительной направленности, некоторые из которых, затрагивая личные права и свободы граждан, носили репрессивный характер. Так, в июне–июле 1941 г. войска и органы НКВД СССР получили предписания провести мероприятия по выявлению и последующему выселению «контрреволюционного», «шпионского», «социально опасного» элемента из местностей, переведённых на военное положение⁹. Однако законодатель не устанавливал чётких критериев для определения граждан, подлежащих выселению. Органам госбезопасности предписывалось проводить агентурную работу, выявляя бывших членов антисоветских политических партий и контрреволюционных организаций, проявляющих антисоветские настроения; аналогичных лиц, отбывших наказания по обвинению в шпионаже, диверсиях, лиц без определённых занятий и места жительства, уголовников-рецидивистов и т. п. Следует отметить, что в своих правах ограничивались также и члены их семей.

Репрессивные меры были применены и в отношении других категорий граждан. Например, в августе 1941 г. по указанию военного совета Ленинградского фронта из пригородов Ленинграда было насильственно переселено в другие районы немецкое и финское население. Всего меры государственного принуждения, оправданные решением задач оборонного характера и носящие, по мнению законодателя, превентивный характер были применены в отношении около 96 тыс. человек. Для проведения данных мероприятий были задействованы органы и войска НКВД СССР¹⁰.

Следует отметить, что данные мероприятия были проведены уже после того, как советское государство санкционировало временное ограничение прав и свобод граждан Германии и её союзников (итальянских, финских, румынских, венгерских, словацких граждан)¹¹. Указанные

⁹ О мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией: Директива НКГБ СССР № 127/5809 от 22 июня 1941 г. / Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. – Т. 2. – Книга I. – Москва: Русь, 2000. – С. 35; О мероприятиях по выселению социально-опасных элементов с территории, объявленной на военном положении: Директива НКВД СССР и НКГБ СССР № 238/181 от 4 июля 1941 г. / Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. – Т. 2. – Книга I. – Москва: Русь, 2000. – С. 176–177.

¹⁰ Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов Ленинградской области: Постановление Военного совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. // Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб). – Ф. 7179. – Оп. 53. – Д. 54. – Л. 169–180.

¹¹ Об интернировании граждан стран сателлитов фашистской Германии в связи с началом войны: Директива НКГБ СССР № 140 от 25 июня 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. – Т. 2. – Книга I. – Москва: Русь, 2000. – С. 76.

действия советских властей были связаны исключительно с войной и обосновывались интересами обеспечения государственной безопасности, а их проведение возлагалось на войска и органы НКВД СССР. По имеющимся данным в период Великой Отечественной войны на территории СССР было интернировано около 300 тыс. иностранных граждан [2; 7].

Практика принудительного выселения из прифронтовых областей создавала предпосылки для нарушения законов и прав граждан, формировало негативное отношение к политике, проводимой советскими органами в отношении отдельных слоёв населения.

Параллельно с передачей государственно-властных полномочий военным властям, устанавливается чрезвычайный порядок осуществления правосудия, выражавшийся в наделении особыми полномочиями органов военной юстиции, которые не могли эффективно осуществлять правосудие в боевой обстановке на нормативной правовой базе мирного времени. Характер условий, отличных от мирного общежития, в которых приходилось выполнять свои функции органам военной юстиции, определял специальные требования к правовой базе и к институтам, которые её применяли. Наиболее серьёзным изменением для судебной системы советского государства было расширение не только полномочий органов военной юстиции, но и сферы их реализации.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»¹² военным трибуналам был установлен перечень подсудных правонарушений, связанных с чрезвычайной обстановкой на фронте и в тылу.

Следует отметить, что в военных трибуналах рассматривались не только воинские преступления, совершённые военнослужащими или военнообязанными, но и дела по правонарушениям, совершённым мирным населением, которые влияли на военную безопасность, общественный порядок. В условиях режима военного положения была установлена повышенная ответственность военнослужащих, военнообязанных и гражданского населения по законам военного времени (ст. 7 Указа Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»).

Для рассмотрения всех дел органам военной юстиции устанавливались строгие рамки, ограниченные 24 часами после вынесения обвинительного заключения. В судебных заседаниях военных трибуналов не предусматривалось участие народных заседателей и защитников. Принятые военными трибуналами судебные решения вступали в силу с момента их оглашения и должны были незамедлительно приводиться в исполнение. В отношении приговоров военных трибуналов не была предусмотрена возмож-

¹² Ведомости ВС СССР. – 1941. – № 29.

ность возбуждения кассационного производства, они могли быть отменены только в порядке надзора.

Для завершения комплекса организационно-правовых мер воздействия на общественные отношения, направленных на окончательную перестройку жизни в стране на военный лад, 29 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) издают общее руководящее указание чрезвычайного характера партийным и советским организациям прифронтовых областей. Данное указание в обязательной форме требовало «...в борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за города и сёла, организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов»¹³. При отступлении воинские подразделения обязаны были уничтожать все материальные ресурсы, которые враг мог использовать в своих интересах. В тылу противника предписывалось повсеместно развернуть партизанские действия. Ядром для формирования партизанских отрядов должны были стать партийные и советские организации. Паникёры и трусы подлежали незамедлительному преданию суду военного трибунала. Следовательно, уже в начале войны в СССР сформировался механизм правового регулирования общественных отношений в условиях военного времени, который вынужденно ставил интересы государства несоизмеримо выше интересов личности.

В дальнейшем, на протяжении всей войны, для решения задач, связанных с чёткой организацией жизнедеятельности фронта и тыла, были приняты правовые нормы, которые предназначались для успешного решения боевых задач в районах, непосредственно примыкавших к линии фронта. Важность обеспечения безопасности в этих районах определялась тем, что в них располагались воинские части, тыловые учреждения и органы боевого обеспечения. Правовыми предписаниями военных властей устанавливалась глубина (от линии фронта в тыл) действия чрезвычайного режима, связанного с увеличенным объёмом ограничений правосубъектности граждан и организаций.

В прифронтовой полосе действовал экстраординарный правовой режим, который являлся по своей сути более строгой разновидностью режима военного положения. Он содержал требования по переселению гражданского населения в

тыл страны, проведению мероприятий по изъятию у мирных жителей оружия, боеприпасов, радиоприёмников, соблюдению светомаскировки и других мероприятий оборонного характера¹⁴.

Обеспечение реализации комплекса правил, ограничений и запретов, установленных нормами режима прифронтовой полосы, возлагалось на военную администрацию в лице командования воинских частей и военных советов. Непосредственно для выполнения служебно-боевых задач в прифронтовой полосе привлекались подразделения войск НКВД по охране тыла фронта¹⁵, которые действовали в интересах особых отделов НКВД СССР, создававшихся для борьбы со шпионами, дезертирами, обеспечения общественного порядка¹⁶.

Органы государственной безопасности также участвовали в обеспечении правового режима в прифронтовой полосе и примыкавших к ней районах, ведя борьбу с проявлениями паники среди гражданского населения. На них возлагалась задача: «всех лиц, занимающихся распространением панических слухов и пытающихся дезорганизовать население, арестовывать и предавать суду военного трибунала»¹⁷.

Данные из приказа военного совета Западного фронта № 0507 «Об эвакуации населения из прифронтовой полосы» от 9 ноября 1941 г. говорят о важности приводимых мероприятий по обеспечению государственной и общественной безопасности: «...в ближайших к расположению частей фронта деревнях задержаны шпионы и лица, распространявшие среди населения и бойцов Красной Армии фашистские листовки и подстрекавшие жителей выходить на улицы с белыми флагами и полотнищами, что способствовало проникновению диверсантов и вербовке шпионов из местного населения, враждебно настроенного к советской власти»¹⁸.

Ещё одним из элементов механизма регулирования правоотношений в прифронтовой полосе стало экстраординарное правовое явление, связанное с использованием исключительно суровых правовых и неправовых мер – режим «выжженной земли» [3, с. 62–63]. Его применение обосновывалось необходимостью «...лишить германскую армию возможности

¹⁴Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (Далее – ЦАМО РФ). – Ф. 208. – Оп. 2511. – Л. 90.

¹⁵О формировании частей войск НКВД при особых отделах : Приказ НКВД СССР № 00941 от 19 июля 1941 г. / Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. – Т. 2. – Книга I. – Москва: Русь, 2000. – С. 366 – 367

¹⁶О преобразовании органов Третьего управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР: Постановление ГКО № 187сс от 17 июля 1941 г. / Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. – Т. 2. – Книга I. – Москва: Русь, 2000. – С. 337–338.

¹⁷Об аресте и предании суду военного трибунала распространителей панических слухов, пытающихся дезорганизовать тыл: Директива НКГБ СССР № 148 от 26 июня 1941 г. / Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. – Т. 2. – Книга I. – Москва: Русь, 2000. – С. 86.

¹⁸ЦАМО. – Ф. 325. – Оп. 5045. – Д. 4. – Л. 1–2.

¹³КПСС о Вооружённых Силах Советского Союза. Документы. 1917–1968. – Москва: Воениздат, 1969. – С. 299–301.

располагаться в сёлах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населённых пунктов на холод в поле, заставить мёрзнуть под открытым небом...»¹⁹.

Юридическая природа этого явления раскрывается через содержание таких правовых норм, которые ещё жёстче требовали ограничений правосубъектности граждан и организаций: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»²⁰, директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей»²¹, директива начальника тыла Красной Армии от 29 августа 1941 г. № 31/11/2908²² и др. Сущность этого явления государственно-правовой действительности периода стратегической обороны заключалась в полном уничтожении промышленных предприятий, объектов жизнеобеспечения, продовольственных запасов и т. д. при вынужденном отступлении советских воинских частей.

Ограничения прав и свобод советских граждан в условиях действия чрезвычайных правовых режимов военного времени осуществлялись в виде активных действий уполномоченных субъектов зачастую, не считаясь с последствиями для мирного населения. Так, например, распоряжением № 01126 27 ноября 1941 г. военным советом предписывалось частям Западного фронта в населённых пунктах использовать «...местные средства и материалы, не считаясь с ущербом...», «...составлять план и проводить подготовительные мероприятия к уничтожению путём разрушения или сжигания всех жизненных центров, зданий и запасов продуктов и материалов в случае вынужденного оставления населённого пункта»²³.

От органа высшего чрезвычайного управления и стратегического руководства в военное время²⁴ исходили ещё более суровые требования по обеспечению правовых режимов военного времени. 17 ноября 1941 г. в приказе № 0428 указывались требования «решительных действий по полному уничтожению населённых пунктов в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог»²⁵. В качестве сил и средств, направленных на обеспечение правовых режимов выжженной земли и прифронтовой полосы, использовалась военная авиация, артиллерия, специальные диверсионные группы, которые своими активными действиями должны были уничтожать материальные запасы на пути про-

движения вражеских войск. Граждане, проживавшие в прифронтовой полосе повинуются указанию военных властей, должны были уходить с отступающими частями.

Жёсткий чрезвычайный правовой режим, устанавливавшийся в прифронтовой полосе, опирался на исключительную суровость применяемых организационно-правовых мер, воздействовавших на общественные отношения. Об этом говорят имеющиеся документальные свидетельства. К примеру, 25 ноября 1941 г. заместитель начальника оперативного отдела 5-й армии в донесении № 0324 докладывал о полном уничтожении населённых пунктов в полосе действия армии, для этого была применена артиллерия, войска, а также «организовано 9 диверсионных групп численностью по 2–3 человека и направлено в тыл противника с задачей поджога»²⁶.

Анализ опыта применения чрезвычайных организационно-правовых мер режимов военного времени позволяет сделать вывод о том, что большая доля неблагоприятных последствий выпадала для мирных граждан, проживавших в прифронтовой полосе. Трагический исход ожидал местное население, которое по каким-либо причинам не могло быть эвакуировано в безопасные районы. Оно вынуждено было страдать от последствий реализации чрезвычайных правовых режимов с одной стороны и от произвола оккупационных сил с другой.

Поэтому режим прифронтовой полосы необходимо рассматривать как наиболее жёсткий из всех действовавших правовых режимов военного времени, экстраординарную меру регулирования общественных отношений, применявшуюся военными властями без учёта интересов гражданского населения в целях выполнения задач военного характера.

При анализе норм права, определявших содержание режимов военного положения и прифронтовой полосы, выявляются следующие закономерности: во-первых, чрезвычайные полномочия военных властей были закреплены на высшем уровне законодательного регулирования в целях сосредоточения усилий на организации отпора врагу; во-вторых, с приближением к фронту усиливалась строгость правового режима на основе требования по неукоснительному выполнению всеми субъектами правоотношений предписаний военных властей и повышенной юридической ответственности за их невыполнение; в-третьих, в возможность реализации прав и свобод гражданским населением были внесены существенные коррективы, вызванные чрезвычайными обстоятельствами военного характера, целями и задачами обороны; в-четвёртых, обоснованность и эффективность применения чрезвычайных правовых норм необходимо рассматривать, исходя из соотношения поставленной государством цели и достигнутых результатов.

¹⁹ Об уничтожении населённых пунктов в прифронтовой полосе: Приказ НКО СССР № 0428 от 17 ноября 1941 г. // ЦАМО. – Ф. 208. – Оп. 2524. – Д. 1. – Л. 257–258.

²⁰ Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6. – С. 208.

²¹ Великая Отечественная война. 50 лет: Приложение к календарю дат и событий. Вып. 1. – ТАСС, 1991. – С. 48–49.

²² Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. – Москва: Русская книга, 1992. – С. 245–246.

²³ ЦАМО. – Ф. 326. – Оп. 5045. – Д. 4. – Л. 7–9.

²⁴ Ставка Верховного Главнокомандования. *Прим. авторов.*

²⁵ ЦАМО. – Ф. 353. – Оп. 5864. – Д. 1. – Л. 27.

²⁶ Там же. – Ф. 326. – Оп. 5045. – Д. 1. – Л. 62–63.

Подводя итог рассмотрения социальных и правовых характеристик правовых режимов военного положения и прифронтовой полосы, можно отметить, что целями их введения в годы Великой Отечественной войны являлись мобилизация сил и средств на отпор врагу, повышение боевой активности действующей армии, стабилизация и нормализация общественных отношений.

Под влиянием экстремально опасных для суверенитета государства угроз оно нуждается в создании механизмов, которые посредством

институциональных и юридических мер позволяют нейтрализовать или значительно ограничить влияние на него различных отрицательных детерминант.

При возникновении реальной и неизбежной угрозы жизненно важным интересам общества и государства требуется создание юридических механизмов, способных экстренно адекватно реагировать на чрезвычайные обстоятельства в соответствии с принципом законности и учитывая имеющийся исторический опыт.

Список литературы

1. *Исаков В. Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования: монография. – Москва: Инфра-М, 2021. – 132 с.
2. *Кузьминых А. Л.* Международно-правовое регулирование режима военного плена и интернирования во второй половине XIX – первой половине XX в. // Военно-юридический журнал. – 2014. – № 9. – С. 20.
3. *Лысенков С. Г.* Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: монография. – Москва: На боевом посту, 2010. – 236 с.
4. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 134.
5. *Никонов Д. А.* Советское чрезвычайное военное законодательство (1920–1941 гг.): монография / под ред. Б. П. Белозерова – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2006. – 180 с.
6. *Никонов Д. А.* Правовая регламентация военного положения в СССР в предвоенный период и в начале Великой Отечественной войны / Историческое значение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сборник научных статей международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 22 апреля 2005 года / М. М. Тарасов, В. В. Фролов и др. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2005. С. 111–112.
7. *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – Москва: О.Г.И. – Мемориал, 2001. – 329 с.
8. *Ромашов Р. А., Тищенко А. Г.* Политико-правовая природа и структурно-функциональные особенности государственной власти в СССР в условиях Великой Отечественной Войны / Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы: монография / под общ. ред. Сальникова В. П., Ромашова Р. А., Нижник Н. С. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – С. 262.
9. *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем / Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Бордюгова Г. А. – Москва : АИРО-XXI, 2013.– С. 216–217.
10. *Янгол Н. Г.* Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность: монография. – Санкт-Петербург: б.и., 2000. – 118 с.

References

1. *Isakov V. B.* Fakticheskiy sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya: monografiya. – Moskva: Infra-M, 2021. – 132 s.
2. *Kuz'minykh A. L.* Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye rezhima voyennogo plena i internirovaniya vo vtoroy polovine XIX – pervoy polovine XX v. // Voenno-yuridicheskiy zhurnal. – 2014. – № 9. – S. 20.
3. *Lysenkov S. G.* Pravovoy status voyennosluhashchikh v period Velikoy Otechestvennoy voyny: monografiya. – Moskva: Na boyevom postu, 2010. – 236 s.
4. *Mal'ko A. V.* Stimuly i ogranicheniya v prave // Pravovedeniye. – 1998. – № 3. – S. 134.
5. *Nikonov D. A.* Sovetskoye chrezvychaynoye voyennoye zakonodatel'stvo (1920–1941 gg.): monografiya / pod red. B. P. Belozerova – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy voyennyi institut vnutrennikh voysk MVD Rossii, 2006. – 180 s.
6. *Nikonov D. A.* Pravovaya reglamentatsiya voyennogo polozheniya v SSSR v predvoyennyi period i v nachale Velikoy Otechestvennoy voyny / Istoricheskoye znachenije Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: Sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 22 aprelya 2005 goda / M. M. Tarasov, V. V. Frolov i dr. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy voyennyi institut vnutrennikh voysk MVD Rossii, 2005. S. 111–112.

7. *Polyan P. M.* Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR. – Moskva: O.G.I. – Memorial, 2001. – 329 s.
8. *Romashov R. A., Tishchenko A. G.* Politiko-pravovaya priroda i strukturno-funktsional'nyye osobennosti gosudarstvennoy vlasti v SSSR v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy Voyny / Gosudarstvo. Pravo. Voyna: 60-letiyе Velikoy Pobedy: monografiya / pod obshch. red. Sa'nikova V. P., Romashova R. A., Nizhnik N. S. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2005. – S. 262.
9. *Ushakov A. I., Fedyuk V. P.* Grazhdanskaya voyna. Novoye prochteniyе starykh problem / Mezhdub kanunami. Istoricheskiye issledovaniya v Rossii za posledniye 25 let / pod red. Bordyugova G. A. – Moskva : AIRO-XXI, 2013.– S. 216–217.
10. *Yangol N. G.* Chrezvychaynoye zakonodatel'stvo i isklyuchitel'nyye pravovyye rezhimy: istoriya i sovremennost': monografiya. – Sankt-Peterburg: b.i., 2000. – 118 s.

Статья поступила в редакцию 01.02.2021; одобрена после рецензирования 20.02.2021; принята к публикации 18.08.2021.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the article.